

УДК 321 (045) (470+571)

Почем человек?

Размышления о книге Светланы Алексиевич «Время секонд хэнд» (М.: Время, 2013. – 512 с.)

ОКОРОКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

доктор исторических наук, первый заместитель директора РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

E-mail: info@heritage-institute.ru:

ПЕРЕПЕЛКИН ЛЕВ СТАНИСЛАВОВИЧ

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

E-mail: leonethnography@yandex.ru

Иногда я думаю, зачем я спускалась в ад? Что-бы найти человека... [1].

Я всю жизнь — на баррикадах, хотела бы уйти оттуда. Научиться радоваться жизни. Вернуть себе нормальное зрение. Но десятки тысяч людей снова выходят на улицы. Берутся за руки. У них белые ленточки на куртках. Символ возрождения. Света. И я с ними [2, с. 15].

Сразу скажем, что «мы не с ними». По многим причинам. Во-первых, мы видели, как перед последними президентскими выборами (в будний день!) в Москве тренировали студентов провинциальных вузов: их водили колоннами, они кричали «Путин, вон!» (не напоминает украинское — «Янукович, геть!»?), их повели в «Макдоналдс» пообедать. Они нам даже не сказали о цели своей демонстрации, а посоветовали обратиться к «старшему». Если эти люди спонтанно «вышли на улицы», то, значит, мы не социологи. Да и не разделяем мы лозунг Л.Д. Троцкого «Молодежь — барометр революции» (молодежь — самая безответственная часть населения любой страны!). Хотя мы знакомы с некоторыми сторонниками «белоленточников» и уважаем их мнение.

Во-вторых, мы глубоко презираем идеологов и организаторов подобных акций — пожалуй, сравните с нынешней ситуацией на Украине (да и с многочисленными «революциями»,

произшедшими в мире в последнее время. Ведь они не принесли соответствующим странам и народам ничего хорошего!). По ряду причин мы не большие сторонники В.В. Путина, но эти ребята — значительно хуже (для страны, конечно).

В-третьих, мы с большим сомнением и тревогой следим за экзальтированной рефлексией российской интеллигенции, по крайней мере, заметной ее части (так называемые западники/либералы). Нам претит их идеалистическая бессмысленность и неумение предвидеть самое ближайшее будущее. Один из рецензентов книги С. Алексиевич написал по этому поводу следующее:

«Несколько лет назад побывал на одном представительном мероприятии в северо-европейской стране. После дежурных выступлений и любезностей хозяева повернули ход разговора: а теперь поговорим о нарушении прав человека в России... Для них это было вполне себе обыденным поворотом: многие приезжают и поют на все лады, со времен диссидентских эмигрантских потоков эта тема — проездной билет в заокеанский рай. Подхватил с азартом — прошел обряд инициации. Хозяева это сделали скорее даже не из любопытства, а из деликатности, чтобы дать гостям высказать наиболее болевшее. Приезжающие гости такое любят, для них это разновидность аутотренинга. В России за последние десятилетия сложился целый

профессиональный слой людей, подвизавшихся на подобном поприще: они не с гармоникой и балалайкой едут, чтобы вприсядку пойти, им бы про нарушения прав человека в стране поговорить или что еще гневно обличить» [3]. Нужны ли комментарии?

Наконец, в-четвертых, совершенно очевидно, что этот «символ возрождения» далек от мнения подавляющей части российских граждан. Мы — не любители идеологических клише (например, «демократия», «свобода», «права человека», «гражданское общество», «свобода слова»¹ и т.д.), но не считаем возможным, чтобы *меньшинство* диктовало свою волю *большинству* населения. Подобная ситуация десятилетиями развивалась и спонсировалась² на Украине, что привело к гражданской войне. Это если не говорить о других «цветных революциях», отсчет которых ведется с Сербии. Строго говоря, во всех этих случаях «демократия» и «свобода выбора» заменяются политехнологиями. Геополитическая позиция и национальные интересы — вот та призма, через которую можно адекватно анализировать текущие события и делать реализующиеся прогнозы.

Но все, сказанное выше, имеет очень малое отношение к творчеству Светланы Алексиевич. На наш взгляд, основной дар автора — это повышенное чувство эмпатии, т.е. сострадания. Отсюда — и выбранные темы для интервью, и состав опрошенных людей, и избранные периоды нашей истории. С. Алексиевич на свой лад разрабатывает тематику «маленького человека», фундаментальную для русской литературы. «Я почти 40 лет исследовала феномен «красного

¹ О «демократии» и «свободе» будет сказано ниже. Категория «права человека», выделенная Всеобщей декларацией прав человека, труднореализуемая на практике, есть объект чистых спекуляций и повод вмешательства во внутренние дела суверенных стран. О понятии «гражданское общество» нам уже приходилось очень подробно писать [5, с. 46–76], так что нет ни возможности, ни необходимости рассматривать этот вопрос в сносках. «Свобода слова» — везде — ограничена взглядами владельцев СМИ и государственной политикой. Трудно понять, кто и почему ловится на эту словесную «туфту».

² «Как признала Виктория Нуланд, замгоссекретаря США, многолетняя работа по заблаговременному воспитанию молодого поколения украинцев в духе “западных ценностей” обошлась Вашингтону в 5 млрд долл. Провокационная агрессивность постмайдановского руководства по отношению к России и юго-востоку страны стала возможной лишь благодаря поддержке Вашингтона и фактически проявила себя под его диктовку» [6, с. 5].

человека», маленького человека, без которого невозможна история, но которого никогда не спрашивают»³ [4]. И его судьба оказывается ужасной (или прекрасной — в зависимости от точки зрения) в переломные эпохи нашей страны. Под эту тематику писателем созданы особая стилистика, эстетика и творческая методика.

Но вот что важно. В творчестве С. Алексиевич трудно отделить художественную часть от политической. И читатель, и рецензент должны выбирать (хотя бы и бессознательно), какой аспект книги им ближе. И мы думаем, что для литератора может быть обидно, если выберут аспект политический, а не художественный (представьте, если бы из «Войны и мира» мы выбирали бы только взгляды Л.Н. Толстого на патриотизм или «правильное» устройство семьи, игнорируя художественное совершенство текста). К сожалению, судя по отзывам, с книгами С. Алексиевич, с ее работами происходит то же, что в описанном примере. Мы постараемся совместить отношение к автору и как к писателю, и как к политическому мыслителю. Насколько это получится — Бог весть!

В данном введении мы хотели только определить нашу «внешнюю» позицию, потому что книга С.А. Алексиевич выходит за пределы политической конъюнктуры. Хотя по существу то, что мы сказали выше, есть несколько формализованное содержание книги в ее политической части. Собственно говоря, высказывание-эпиграф — это одно из немногих, которое автор сделал от своего имени (если не считать совсем уж последнего раздела). Подавляющая часть книги — это интервью и цитаты, собранные в виде художественно-публицистического произведения. Впрочем, если художника надо ценить по его собственным законам, то в творчестве С.А. Алексиевич они не очевидны. Возможно, немного из этого будет затронуто в данной рецензии.

Обратимся к тексту, а также к некоторым авторским рассказам о своем творчестве.

³ Особо следует подчеркнуть, что в любой стране мира власть принадлежит не народу, «маленькому человеку», а элите. Собственно говоря, это родовой признак той формы организации общества, которая называется государством. При этом выборная демократия всегда стремится к наследственной власти. А выборы — с тех пор, как были изобретены эффективные элементы манипуляции сознанием, — чистой воды профанация. Но здесь развивать эту тему было бы неуместно.

* * *

Светлана Александровна Алексиевич — по профессии педагог (иностранный язык и история), а по призванию литератор: журналист, публицист, беллетрист. Мы уверены, что многих не надо знакомить с ее творчеством, ведь она известный и заслуженный автор. Член Союза писателей СССР с 1983 г., один из основных претендентов на Нобелевскую премию по литературе в 2013 г. Так что талантов и заслуг у нее вполне достаточно, чтобы бережно относиться и к ней самой, и к ее произведениям. (а к людям вообще надо бережно относиться!).

Рецензируемая книга является пятой в издаваемом отдельно собрании ее произведений. Предыдущие: «У войны не женское лицо», «Последние свидетели», «Цинковые мальчики», «Чернобыльская молитва». Что она сама думает о своем творчестве? Для понимания этого обратимся на ее сайт www.alexievich.info. («В поисках вечного человека (Вместо биографии)»). Обойдемся чистыми цитатами, без комментария: «Жанр человеческих голосов»; «В слове — история страны, общая история»; «Документ в искусстве становится все более интересен, без него уже невозможно представить полную картину нашего мира»; «Я пишу историю чувств»; «Пропущенная история»; «Пять книг о том, как люди убивали и как их убивали, как строили и верили в Великую Утопию, как человеческая жизнь у нас все время была чему-то равна — идее, государству, будущему»; «Книга о том, как русский человек хочет быть счастливым, мечтает, но у него не получается... В чем для него смысл жизни? Кто мы такие?» [7].

Дают ли ответы на эти вопросы книги Светланы Александровны?

Не думаем.

Дают ли они возможность и необходимость над этим задуматься?

Несомненно.

Есть и такая калькуляция: «Каждую свою книгу я пишу четыре-семь лет, встречаюсь и разговариваю, записываю 500–700 человек» [7]. Но дело ведь не в этом. Существовать в состоянии эмпатии, предельного сочувствия к тысячам людей в течение десятилетий — задача, непосильная для большинства из нас. Строго говоря, это подвиг. Ведь рассказанные нам истории — страшненькие. Очень страшненькие (см. эпиграф).

История страны, изложенная в биографиях конкретных людей, конечно же, не изобретение собственно Светланы Александровны. Помним, что и А. И. Солженицын для подготовки «Архипелага ГУЛАГ» провел множество интервью. В современной исторической науке есть такое направление, как «персональная история»: это когда история страны прослеживается по истории ее отдельных граждан. Это так и не совсем так, ведь рецензируемое произведение — не социологический опрос, проведенный по определенной репрезентативной методике. Прочитав книгу, мы (по крайней мере, профессиональные историки) не можем сказать, что «все было так» или «все было иначе». Мы видим тенденции, может быть, даже акценты, которые ни в коем случае не имеем права игнорировать. Но это литературное произведение, которое мы должны оценивать по законам искусства. В первую очередь по законам искусства.

Сама С. А. Алексиевич по этому поводу пишет: «воспоминания — капризный инструмент. Человек складывает туда все: как он жил, что читал в газетах, слышал по телевидению, кого встретил в жизни. Наконец, счастлив он или несчастлив. Свидетели меньше всего свидетели, а актеры и творцы. Невозможно приблизиться к реальности вплотную, между реальностью и нами — наши чувства. Понимаю, что имею дело с версиями, у каждого своя версия, а уже из них, из их количества и пересечений рождается образ времени и людей, живущих в нем» [1]. По существу, Светлана Александровна творит историю «задним числом» из «капризного инструмента», который называется «памятью», «творчеством», «литературой», «художественным озарением» и т.д. Принимать это за «действительную историю» невозможно, но и игнорировать эту «творческую историю» нельзя.

Хотя мы и не литературоведы, для нас очевидно, как минимум, два параметра, согласно которым книга С. А. Алексиевич — даже не литературная публицистика, а чистой воды художественное, возможно, и литературно-философское произведение. Во-первых, это явная экзистенциальная направленность книги. Вот что написано об этом в Большом энциклопедическом словаре: «Центральное понятие — экзистенция (человеческое существование); основные модусы (проявления) человеческого существования — забота, страх, решимость,

совесть; человек прозревает экзистенцию как корень своего существования в пограничных ситуациях (борьба, страдание, смерть). Постигая себя как экзистенцию, человек обретает свободу, которая есть выбор самого себя, своей сущности, накладывающий на него ответственность за все происходящее в мире» [8, с. 1392]. О свободе мы поговорим позже.

Экзистенциализм — литературно-философское направление, вполне соответствующее следующим посылам С.А. Алексиевич: «Почему в книге так много рассказов самоубийц, а не обыкновенных советских людей с обыкновенными советскими биографиями? В конце концов, кончают с собой и из-за любви, из-за старости, просто так, ради интереса, из-за желания разгадать секрет смерти... Я искала тех, кто намертво прирос к идее, впустил ее в себя так, что не отодрать — государство стало их космосом, заменило им все, даже собственную жизнь. Они не смогли уйти из великой истории, распрощаться с ней, быть счастливыми иначе. Нырнуть... пропасть в частном существовании, как это происходит сегодня, когда маленькое стало большим» [2, с. 8] (и снова просим вас обратиться к эпиграфу).

Вот еще одна причина, почему мы считаем эту книгу Светланы Алексиевич больше литературным произведением, чем документальным свидетельством чего-либо. Речь идет о конструкции книги, в которой полярные мнения не просто случайно сталкиваются, а противопоставляются. Монолог заменяется многогласием, и это, конечно, литературный прием, а не просто случайное размещение отрывков интервью. В такой ситуации читателю труднее и ответственнее занять собственную позицию. Похоже, что это даже стратегия автора — загнать читателя в какой-то «коридор невозврата», т.е. в некую ментальную конструкцию, выход из которой «без потери лица» неочевиден. Ведь в большинстве «новелл» их начало еще не определяет их завершения. Так, ведь и факт рождения и жизни человека не определяет факт его смерти, но способствует ему. Если отойти от биологии. Это серьезно.

О том, что написано в книге, но не названо. Придется перечислить. В книге написано о нашей истории, о самых трудных и переломных ее моментах. О любви и ненависти. О дружбе и предательстве. О насилии и сострадании.

О детских воспоминаниях и взрослых переживаниях. О родительском долге и долге перед Отечеством. О человеческой глупости и мудрости. О возможности невозможного. Да мало ли еще о чем? О жизни и смерти, например.

Наиболее часто употребляемое в книге слово — свобода, одно из самых общих и малоопределенных в любом языке понятий (вспомним Маркса — «свобода как осознанная необходимость»). Один из авторов, например, чувствовал себя наиболее свободным, как ни странно, во время службы в Вооруженных силах СССР в 1975–1977 гг. (возможно, потому, что регулярно использовал для боевого листка цитаты из классиков марксизма-ленинизма). Напомним приведенное выше высказывание: «Постигая себя как экзистенцию, человек обретает свободу, которая есть выбор самого себя, своей сущности, накладывающий на него ответственность за все происходящее в мире» [8, с. 1392]. Бессмысленно отслеживать все линии духовного поиска, намеченные в книге С. Алексиевич. Но на ее собственных высказываниях, данных ей в интервью с журналистами, следует все-таки остановиться.

Вот характерная мысль: «Человек должен все время выбирать: свобода или благополучие и устройство жизни, свобода со страданиями или счастье без свободы. И большинство людей идет вторым путем» [1]. Надо, правда, добавить, что большинство людей, идущих «вторым путем», — это представители так называемого «золотого миллиарда», одержимого потребительством. При этом понятие «свобода», философская категория, гипостазируется⁴, т.е. используется для манипуляции мышлением. Первое понятие в высказывании («свобода») неопределимо, второе же («благополучие») весьма субъективно, особо с учетом «возрастающих потребностей» по К. Марксу (кстати говоря, его теория преподается во всех университетах Запада). Что мы имеем на выходе? Сплошную и труднопроверяемую идеологию.

Поговорим о «свободе» в понимании (экзистенции) наших соотечественников, высказывания которых приведены в книге С.А. Алексиевич. Это гораздо интересней, чем бесплодные идеологические клише.

⁴ Гипостазирование — это использование общих категорий как аналогов естественных объектов, т.е. реально существующих в природе и человеческой жизни.

Свобода духовного развития в противовес материальному благополучию

«Мы с женой окончили философский факультет Петербургского (тогда Ленинградского) университета, она устроилась дворником, а я — истопником в котельной. Работаешь одни сутки, двое — дома. Инженер в то время получал сто тридцать рублей, а я в котельной — девяносто, то есть соглашаешься потерять сорок рублей, но зато получаешь абсолютную свободу. Читали книжки, много читали. Разговаривали. Думали, что производим идеи. <...> В перестройку все кончилось. Грянул капитализм... И с новыми правилами игры: деньги есть — ты человек, денег нет — ты никто» [2, с. 21].

«Вместо Родины — большой супермаркет, если это называется свобода, то мне такая свобода не нужна» [2, с. 24].

«Папа работал в конструкторском бюро на военном заводе, занимался ракетами, и ему это безумно нравилось. У него было два высших образования. Вместо ракет завод стал штамповать стиральные машины и пылесосы. Папу сократили... Растерялись. Не могли понять, что свобода — она вот такая» [2, с. 25].

«Деньги стали синонимом свободы» [2, с. 30].

«Свобода — это деньги, а деньги — свобода» [2, с. 53].

«Горбачевские годы... Свобода и купоны... Талоны... купоны... На все: от хлеба и крупы до носков. Стояли в очереди по пять-шесть часов... Но стоишь с книгой, которую ты раньше не могла купить...» [2, с. 163]

Свобода как политическая категория

«Горбачевское время... Огромные толпы людей со счастливыми лицами. Сво-бо-да! Все этим дышали. Газеты были нарасхват. Время больших надежд — вот-вот попадем в рай. Демократия — неведомый нам зверь. Как сумасшедшие, бегали на митинги... Как мы ошибались!» [2, с. 22].

«Кого защищаете? Капиталистов? — Да ты что, бабуся? Мы за свободу тут стоим. — А я за советскую власть воевала — за рабочих и крестьян. А не за ларечников и кооперативы. Дали бы мне сейчас автомат...» [2, с. 112].

«Люди вышли на улицу на волне, на подъеме, но умереть они готовы были за свободу, а не за капитализм» [2, с. 138].

«Соплюха! Не был я рабом! Не был! Я сейчас сам не вылезая из сомнений... Но рабом я не был...» [2, с. 175].

Свобода как социальная угроза

«Я боюсь свободы, придет пьяный мужик и спалит дачу» [2, с. 28].

«Дали немного свободы, и отовсюду сразу вылезло мурло мешанина» [2, с. 135] (помните В.В. Маяковского: «Покрылась тиной российская мешанина. Из-за спины РСФСР вылезло мурло мешанина»?).

«Отец мой был настоящий коммунист. Правдивый. Работал парторгом на большом заводе. Участник войны. Я ему: Свобода, станем нормальной... цивилизованной страной... А он мне: Твои дети будут служить у барина. Ты этого хочешь? Я молодой был... дурак... Смеялся над ним... Дико наивны мы были» [2, с. 140].

Свобода как обман

«А в девяносто первом все в революцию пошли. На баррикады. Хотели свободы, а что получили? Ельцинскую... бандитскую революцию...» [2, с. 42].

«Теперь бутылка водки стоит, как раньше пальто. А закуска? Полкило колбасы — половина моей пенсии. Пейте свободу! Кушайте свободу! Такую страну сдали! Державу! Без единого выстрела...!» [2, с. 89].

Свобода как личное пространство

«Я помню, что за границей мы видели другого Горбачева, там он мало напоминал того Горбачева, которого мы знали дома. Там он чувствовал себя свободным. Удачно шутил, четко формулировал свои мысли» [2, с. 132–133].

Свобода как эстетическая категория

«А неподражаемый тряпочно-хлорный запах советской столовой..? А у свободы другие запахи... и картинки... Все другое... После первой поездки за границу... это уже при Горбачеве... мой друг вернулся оттуда со словами: Свобода пахнет хорошим соусом» [2, с. 161].

Представления о свободе у каждого свои, не смотря на общефилософское свойство этого понятия. И этот факт С.А. Алексиевич очень хорошо подметила.

А теперь надо сказать о том, что мы категорически не можем принять в высказываниях и,

возможно, в мироощущении рецензируемого автора. Речь идет о некоем русофобском налете, выраженном терминами «красный человек», «советский человек», «совок» и т.д. Во многих устах и текстах (например, у покойной В. Новодворской) эти обороты звучат как оскорбления в адрес своих соотечественников. Не так у Светланы Александровны:

«20–25 лет назад мы смело и наивно думали, что расстаться с тем страшным, почти нечеловеческим опытом нам будет легко. А оказалось, что нет. «Красный человек» внутри нас жив. Я ездила по стране и ловила себя на том, что по-прежнему влюбляюсь в веру «красных людей». Она, конечно, обманчивая и с кровью. Но их чаяния и жертвы таковы, что не позволяют мне все это перечеркнуть. Я вглядывалась в себя и спрашивала: почему я должна — этого «красного человека» — в себе абсолютно перечеркнуть?» [9]. Светлана Алексиевич не отделяет себя от остального российского населения, чего нельзя сказать о значительной части отечественной «западной» интеллигенции.

К этому же стереотипу о «совке» восходит представление о том, что наша страна не совсем «нормальна»: «Власть в обществе в нормальных странах никогда и нигде не принадлежала одним политикам. Просто потому, что власть над душой человеческой нельзя отдавать тем, кто возглавляет политической Олимп или рвется к нему» [9].

На наш взгляд, подобные рассуждения и в авторе, и в читателях рождают чувство собственной неполноценности, вполне излишнее для великого народа. У любого народа есть свой национальный характер, сформированный его историей и культурой. Национальный характер одного народа не может быть хуже или лучше национального характера другого народа. В деталях и нюансах пусть разбираются специалисты — социальные психологи и культурологи, Все прочее, включая самоуничужение, — от лукавого. То же самое следует сказать о «неправильности» нашей страны. Разве есть какой-нибудь общепринятый образец «правильности», на который следует ориентироваться? Американская элита навязывает всему миру собственную модель устройства, но хоть где-либо подобная политика принесла положительный эффект? В сфере политической культуры «буквальные» заимствования и невозможны, и вредны, хотя

заметная часть отечественной интеллигенции этого не понимает.

* * *

Не будем мы дальше продолжать цитирование — лучше уж прочитать саму книгу Светланы Алексиевич. Отметим, однако, что в этой книге и в умах наших людей довольно редко понятие «свобода» представлено как «нахождение вне мест заключения». Хотя в книге интервью с бывшими заключенными предостаточно. Приведенные выше цитаты принадлежат разным людям — по полу и возрасту, жизненному опыту, политическим ориентациям, успешности и современной социальной позиции. Между тем они демонстрируют сходную, русскую экзистенцию, по крайней мере, в том, что касается понятия «свобода». Собственно говоря, приведенные выше категориальные членения этого понятия вполне условны. По крайней мере, нам кажется, что свобода для нас сравнима с представлением о счастье, т.е. гармонии с самим собой и внешним миром. Кстати говоря, если наши выводы верны, то они говорят о возможности использовать (на чисто научной основе) книги Светланы Алексиевич для исследования русского национального характера.

И теперь напоследок — об одной маленькой загадке. О названии книги. *Second hand* в переводе с английского — «вторая рука», а точнее, «из вторых рук».

Это полностью соответствует жанру книги, т.е. собранию беллетризованных интервью. Смущает только вот что — «время секунд хэнд».

Полагает ли автор, что мы живем в то время, когда первичные чувства нам недоступны, и мы, пользуясь метафорой Платона, стали жертвами «призраков пещеры»? [6, с. 5.]

Секонд хэнд еще точнее означает вторичное использование чего-нибудь. Может быть, загадка названия книги в том, что среди молодежи появилась мода на все советское [3]? Согласно мнению С.А. Алексиевич, современные молодые россияне «мечтают о своей революции. По социологическим опросам, выбирают Сталина, «сильную руку» и социализм. Конец «красного человека» откладывается» [1].

Впрочем, нам неизвестна подобного рода статистика, но понятна подобного рода мода. Она связана прежде всего с неудовлетворенностью той моделью общественного устройства,

которая нам навязывается. В конце концов, нет ничего более примитивного в историософии, чем «Конец истории» Ф. Фукуямы, или в общественном сознании — представления о «едином (западном) пути развития». Все гораздо сложнее идеологических клише.

Возможна и такая версия названия — политехнологическое использование революционной фразеологии и практики для совершения государственных переворотов («цветные революции»).

Похоже, что Светлана Александровна считает, будто ныне живущие поколения не способны создать что-либо новое, оригинальное, сравнимое по достоинству и превосходящее по своей гуманистической ценности деяния предыдущих поколений? Нам кажется, что свой ответ будет у каждого, кто прочитает эту книгу.

Последнее соображение. Любое или почти любое художественное произведение (если оно действительно художественное) можно экранизировать (NB! Это наше ноу-хау в представлении о художественности). Можно ли экранизировать рецензируемую книгу С.А. Алексиевич? На наш взгляд, это вполне возможно, если конечный результат будет по форме похож на «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина (собственно, это и есть модель данной книги).

А это значит, что художественная составляющая творчества Светланы Александровны заметно преобладает над ее публицистической частью.

Литература

1. Я спускалась в ад, чтобы найти человека. Белорусская писательница Светлана Алексиевич размышляет о феномене «красного человека» // Российская газета. 2013. 7 ноября. С. 9.
2. Алексиевич С.А. Время секунд хэнд. М.: Время, 2013. 512 с.
3. Рудалев А. Книга Светланы Алексеевич «Время секунд хэнд» как образец тоннельного мышления // Свободная пресса. 2014. 13 июля. [Электронный ресурс] URL: <http://svpressa.ru/culture/article/92410/> (дата обращения: 28.08.2014).
4. Кучерская М. Полный секунд-хэнд // Неделя. 2013. 18 октября. С. 3.
5. Перепелкин Л.С. «Проект модерна» и современная ситуация: власть и «гражданское общество» // Гражданское общество: теория и практика. Ежегодник. 2010. Вып. 4. / под ред. Г.Н. Григорьева и Ю.М. Резника. — М.; Чебоксары, 2010.
6. Давыдов В. В пору геополитического похолодания // Независимая газета. — 2014. 10 июля. С. 5.
7. Алексиевич С.А. В поисках вечного человека (Вместо биографии). [Электронный ресурс] URL: <http://www.alexievich.info> (дата обращения: 28.08.2014).
8. Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 2000.
9. Яковлева Е. Прощание с красным человеком // Российская газета. 2013. 11 сентября. С. 12.